
К вопросу типологии персонажей японских средневековых военных повестей (на материале *Сё:монки*, *Муцу ваки*, *Хо:гэн-моногатари*, *Хэйдзи-моногатари*, *Хэйкэ-моногатари*)¹

В. Онищенко

О проблемах типологии персонажей и жанрового определения военных повестей

“Военные повести” (*гунки-моногатари*, или *гунки*, *гункимоно*), то есть повести, которые описывают драму военных столкновений, создавались в Японии, начиная с X-XI веков — времени начала политической активизации *буси*, или самурайства. Эти повести были чрезвычайно значимым явлением средневековой культуры, и их культурное влияние ощущается до сих пор. Ввиду того, что европейский научный аппарат стал применяться в Японии весьма поздно, литературоведческие и текстологические исследования этих повестей начались лишь в XX веке, и даже текстологический анализ, позволяющий в общем представить относительную хронологию отдельных списков этих повестей, был в основном завершён лишь к 1970-м годам. На данный момент остаются не вполне ясны даже жанрово-типологические характеристики военных повестей. Так, например, ясно, что военные повести, как явствует из их названия, повествуют о сражениях. Однако же по-прежнему открытыми остаются вопросы — есть ли, помимо военной тематики, иные типологические признаки, по которым можно объединить эти повести в один жанр? И весь ли массив военных повестей однороден по этим признакам?

В предыдущих исследованиях, посвящённых определению жанровых особенностей военных повестей, помимо военной тематики, иных признаков для определения границ жанра практически не указано. Принято считать, что к литературе *гунки* относятся все произведения, описывающие события войн X–XVI веков, если только они не относятся к иному жанру — не являются, например, *сисё*, т. е. “историческим сочинением”, как *Адзума-кагами*, “Зерцало Восточных земель”. Однако же, ввиду отсутствия единого принципа жанрового деления, границы различных жанров оказываются размыты — так, например, *кана-дзо:си*, “записки каной”, включают в себя “записанные азбукой-кана повести, новеллы, описания технологических процессов, нравоучительные сочинения и пр., создававшиеся в конце Средневековья и в Новое время” (*Нихон кокуго дайджитэн*, “Большой словарь японского языка”, статья *Канадзо:си*). “Записки каной”, таким образом, выделены в отдельный жанр по способу и времени написания, “военные повести” же — по тематике сюжета, и не вполне ясно, к какому жанру следует отнести те из “записок каной”, которые повествуют о событиях войн — к *канадзо:си* или к *гунки-моногатари*.

Поэтому, думается, в отношении исторически сложившихся названий, традиционно применяемых к определённым комплексам текстов, — *сисё*, *гунки-моногатари*, *канадзо:си* и т.п., не вполне уместно применение термина “жанр”, поскольку классификация текстов, отражённая в таких названиях, складывалась без применения научного подхода и не имеет общего классификационного принципа. Даже сама группа *гунки-моногатари* очень неоднородна, к ней часто относят как произведения, посвящённые описанию исторического (политического) события

¹ Работа выполнена в рамках стипендии “JSPS Postdoctoral Fellowship program for Foreign Researchers”.

(“Повесть о смуте годов Хэйдзи”), так и повести, описывающие биографию одного исторического персонажа (“Сказание о Ёсицунэ”) или один эпизод частной жизни героев — например, месть (“Сказание о братьях Сога”).

Вместе с тем, при всей условности названия “военные повести”, ряд произведений, традиционно относимых к этой группе, обладают как тематическим, так и композиционным сходством. Ранее Ю. Ооцу уже указывал на некую общность парадигмы восприятия событий мятежа, прослеживающуюся во многих военных повестях. Так, он пишет об “архетипе”, лежащем в основе военных повестей [Ооцу 2005, 31]: “В сообществе, разделяющем принцип превосходства верховной власти императора, появляются отступники (мятежники, враги престола), вносящие раздор в это сообщество, но под охраной сверхъестественных сил (синтоистских божеств, будд и богов буддийского пантеона, Неба), поддерживающих императора, верные ему вассалы умирят мятежников и восстанавливают общественный порядок”. Если же рассмотреть рассказ о мятеже с точки зрения методологии, использовавшейся В. Проппом [Пропп 1998] и А.-Ж. Греймасом [Греймас 2000], то окажется, что Ю. Ооцу в самых общих чертах уже даёт общее описание функциональной и актантажной моделей военных повестей, но в дальнейшем исследовании не развивает эту тему, обращаясь к анализу концептов, представляющих идеологию императорской власти в военных повестях. Нам же думается, что именно анализ способа разворачивания сюжета и обнаружение общности функций персонажей в ряде произведений, интуитивно относимых к одному жанру, являются необходимыми шагами на пути к пониманию особенностей жанра и того способа восприятия событий, который привёл к появлению этих произведений именно в такой, а не иной, форме.

К настоящему времени мы пришли к выводу, что “Записи о Масакадо” (*Сё:монки*), “Повесть о смуте годов Хогэн” (*Хо:гэн-моногатари*), “Повесть о смуте годов Хэйдзи” (*Хэйдзи-моногатари*), “Повесть о доме Тайра” (*Хэйкэ-моногатари*), “Записи о смуте годов Дзёкю” (*Дзё:кю:ки*) и 1-13 свитки “Записей о Великом Мире” (*Тайхэйки*) обладают тематическим и композиционным сходством, и указывали [Онищенко 2009; Онищенко 2011] на повторяемость отдельных элементов повествования о мятеже в трёх военных повестях — “Записях о Масакадо” (*Сё:монки*), “Повести о смуте годов Хогэн” (*Хо:гэн-моногатари*) и “Повести о смуте годов Хэйдзи” (*Хэйдзи-моногатари*). Там же мы выделили основные части, составляющие описание событий мятежа. В ходе дальнейшего исследования обнаруживались всё новые сходства в описании мятежа, и на данный момент мы можем представить разворачивание сюжета таким образом:

- 1) события, предшествующие мятежу, его причины:
 - 1.1) представление главного зачинщика мятежа;
 - 1.2) причины мятежа;
- 2) события мятежа:
 - 2.1) сговор мятежников;
 - 2.2) начало мятежа;
 - 2.3) увещание;
 - 2.4) продолжение мятежа;
- 3) усмирение мятежа:
 - 3.1) совет верных императору вассалов;
 - 3.2) военные действия против мятежников;
 - 3.3) поражение или смерть мятежников;

4) последствия мятежа:

4.1) награждение верных императору вассалов;

4.2) наказание выживших мятежников;

4.3) несчастья, постигшие семьи мятежников.

Таким образом, мы можем представить рассказ о мятеже в виде временной последовательности из ограниченного количества функций, подобно тому, как это было сделано в отношении волшебной сказки в исследовании В. Проппа.

Пожалуй, следует оговориться — мы не хотим сказать, будто бы рассказ о мятеже каким-то образом происходит от волшебной сказки, для этого у нас нет достаточных оснований. Но несомненно, что в процессе осмысления социальных событий средневековыми авторами военные повести обретают настолько же устойчивую схему изложения событий, как и фольклорные волшебные сказки, рассказывающие о событиях заведомо невероятных, и при сопоставлении рассказа о мятеже в различных военных повестях заметна инвариантность способов действия персонажей, хотя сами персонажи, выполняющие сходные действия, в каждой повести другие. На основании этого сходства функций персонажей различных повестей мы можем выделить классы персонажей в рамках повествования о мятеже любой из рассматриваемых повестей и таким образом приблизиться к пониманию особенностей и границ жанра.

Об основных типах персонажей военных повестей

Рассматриваемые здесь военные повести посвящены событиям, которые охарактеризованы в их тексте как “мятеж”, и потому нам представляется необходимым выделение классов, или типов персонажей на основании их отношения к мятежу, то есть тех функций, или действий, которые осуществляют эти персонажи в ходе мятежа как основного события произведения.

Мы можем выделить следующие типы персонажей: 1) “Мятежники”, среди которых особую роль играет “главный зачинщик мятежа”; 2) “царствующий император”; 3) “верные императору вассалы, умиротворяющие мятеж”; 4) “родственники мятежников”, 5) “придворные”. Ниже мы рассмотрим роль первого из этих типов, “мятежников”, в тех эпизодах, которые присутствуют в каждой из трёх повестей — “Записях о Масакадо” (*Сё:монки*), “Повести о смуте годов Хогэн” (*Хо:гэн-моногатари*) и “Повести о смуте годов Хэйдзи” (*Хэйдзи-моногатари*).

Об описании действий “мятежников” в трёх военных повестях

К типу “мятежников” мы относим тех персонажей, которые в ходе мятежа противостоят императорской власти. Среди них можно выделить такие подтипы, как 1а) “главный зачинщик мятежа” и 1б) “второй зачинщик мятежа”.

Представление того персонажа, который в повести характеризуется как “главный зачинщик мятежа”, всегда находится в начальной части повестей. “Записи о Масакадо” начинаются с характеристики Масакадо, который впоследствии объявит себя “новым государем” (*синно:*):

1. Говорят, что этот Масакадо был потомком в пятом колене государя Амэкуни Осихаруки Амэноситасиросимэсу, правившего из дворца Касивабара², и внуком принца Такамоти, потомка государя в третьем колене. Отец его — Тайра-но асон Ёсимоти — был военачальником Охранного ведомства... (1. Вступление)³

² Т. е. императора Камму (737-806, пр. 781-806).

³ Здесь и далее перевод “Записей о Масакадо” выполнен по изданию [Сё:монки... 2000]; разбивка текста на главы указана по тому же изданию.

В “Повести о смуте годов Хогэн” экс-император Сутоку, организатор мятежа Хогэн, также представлен в начале повести:

2. ...в восемнадцатый день пятой луны пятого года Хозэн⁴, у государыни Бифукумонъин, которая тогда ещё была государевой наложницей, родился будущий государь Коноэ⁵. ...в седьмой день двенадцатой луны первого года Хэйдзи⁶, в возрасте трёх лет он вступил на престол. ...Никакой недуг не одолевал прежнего государя⁷, а потому такое насильное смещение с престола было ему неприятно. ...Будучи так против своей воли отстранён от престола, задумал он то ли занять его вновь, то ли сделать государем своего первого сына, принца Сигэхито – трудно узнать, что именно он желал в сердце. (Св. 1 “1. Воцарение государя Го-Сиракава”)

В “Повести о смуте годов Хэйдзи” первым из действующих лиц повести представлен Фудзивара-но Нобуэри:

3. Был в недавнее время человек, звали которого Фудзивара-но асон Нобуэри. Происходил он из рода Амацу Коянэ, был потомком канцлера Мититака в восьмом колене, внуком Мототака, правителя земли Харима и сыном Иё-но самми Тадатака. Не был он сведущ ни в искусстве кисти, ни в искусстве меча, не было у него ни способностей, ни дарований. Вот только был обласкан он монаршими милостями несмотря ни на что... (Св. 1 “1. О том, как учинилась распря между Нобуэри и Синдзэем”)

Причины, по которым “главные зачинщики мятежа” идут против центральной власти, в трёх повестях различны, но после описания этих причин в повестях всегда следует сцена сговора мятежников. Здесь мы видим второй подтип мятежника – 1б) “второй зачинщик мятежа”. Попробуем сравнить следующие эпизоды трёх повестей:

4. (“Записи о Масакадо”) Тем временем наместник земли Мусаси Окиё-но Оокими втайне встретился с Масакадо и говорил ему о своих планах: “(А) Если посмотреть на то, как всё повернулось, то даже за то, что захватили одну землю, наказание последует немалое. (Б) Теперь уж всё равно – захватим же все земли Бандо⁸, и посмотрим, что выйдет!» Масакадо отвечал на это: «(Г) Я сам нынче только об этом и думаю. Ведь и в давние времена принц Хансоку⁹, возжелав взойти на престол, обезглавил тысячу царей. А другой принц, желая занять престол, бросил отца в темницу за семью запорами. Раз уж (В) я, Масакадо, происхожу из рода кшатриев, в третьем колене потомок государя¹⁰, то желаю я начать с Восьми земель, а там захватить и государеву столицу!

⁴ 1139 г.

⁵ Т. е. императора Камму (737-806, пр. 781-806).

⁶ 1139 г.

⁷ Т. е. Сутоку

⁸ Земли Бандо, или Восемь (восточных) земель – земли Сагами, Мусаси, Ава, Кадзуса, Симоса, Хитати, Кодзукэ, Симоцукэ.

⁹ Принц Хансоку (букв. “Пятнистоногий”) – персонаж сутры Ниннокё: (“Сутра о человеколюбивом царе”), сын царя страны Магадха, рождённый от львицы, отчего ноги его имели пятнистую окраску. Прослышав, что для того, чтобы стать вселенским правителем, необходимо убить тысячу царей, начал убивать. Истребив 999 царей, раскаялся и обрёл просветление.

¹⁰ Масакадо был потомком императора Камму в пятом колене. Возможно, речь идёт о том, что Масакадо является внуком принца, а именно принца Такамоти, внука Камму, который получил фамильное имя Тайра и стал основателем этого рода. См. также “Повесть о доме Тайра”, с. 28.

(Б) Ныне же первым делом надлежит нам отобрать печати у правителей земель и изгнать их прочь в столицу. Сделаем это — и будем сжимать в руках Восемь земель, а там и весь народ нам подчинится!” На том и порешили... (14. Масакадо нападает на управу земли Хитати)

5. (“Повесть о смуте годов Хогэн”) Новый государь-инок¹¹ втайне с приятнью говорил Левому министру: “В) ...в силу благой кармы Десяти добродетелей в прошлой жизни возродился я первенцем государя... удостоился титула повелителя десяти тысяч колесниц. А) хотя Сигэхито¹² был среди тех, кому прежний государь-инок Тоба должен был передать священный титул, его обошёл посторонний, ничего не сведущий ни в искусстве кисти, ни в пути меча Четвёртый принц¹³! ...две весны и две осени я скрывал обиду, зная, что луны и дни неизбежно проходят, сменяя друг друга. А сейчас, когда прежний государь-инок сокрылся в облаках, чего мне страшиться? Б) Если и я начну сражаться за власть над миром — это вряд ли будет нарушением воли богов и людских ожиданий!” А Левый министр с самого начала думал: “Если этот государь овладеет миром, то, без сомнений, назначит меня регентом!” — и отвечал: “Г) Так и следует поступить! У вас всё получится!” — так он изволил поддержать Нового государя-инока. (Св. 1 “4. О том, как Новый государь-инок задумал мятеж”)

6. (“Повесть о смуте годов Хэйдзи”) Выжидал Нобуёри удобного случая, и вот ...Тайра-но Киёмори отправился по обету в паломничество в Кумано, взяв с собой своего старшего сына... Пользуясь таким случаем, Нобуёри пригласил Ёситомо и сказал ему: “А) Этот Синдзэй, только потому, что он муж государственной кормилицы Ки-но Нии, вершит большие и малые дела Поднебесной, как ему вздумается, ...втираясь в доверие к государю, наговаривает на меня. Если позволить ему продолжать так и дальше, он развалит страну, поднимет смуту в мире и станет источником великих бедствий. Б) ...нужно нам с вами, господин, всё хорошенько обдумать.” Так уговаривал он Ёситомо, и тот отвечал: “В) Я, Ёситомо, потомок сына Шестого принца¹⁴ в седьмом поколении. С помощью искусства лука и стрел усмиряли мы смутьянов, передавали воинские умения от отца к сыну и сокрушали войска государевых врагов. Однако же в смуту прошедших годов Хогэн весь род наш был объявлен врагами государя и истреблён. Я, Ёситомо, сберег свою жизнь только для того, чтобы исполнить мой тайный умысел касательно Киёмори. Вам, наверное, это было и ранее известно, и ничего удивительного в том нет. Г) Давнее моё желание — сделать как вы приказываете и возродить дом Минамото, если не случится непредвиденного и будет сопутствовать нам случай!” (Св. 1 “2. О том, как Нобуёри задумал уничтожить Синдзэй”)

Нетрудно заметить сходство этих эпизодов трёх повестей. Во-первых, сама внутренняя структура этой сцены повторяется, в ней всегда присутствуют А) краткое описание причин мятежа и удобного повода, Б) способ действий мятежников, В) поминание о происхождении одного из мятежников от императорского рода; Г) согласие на совместные действия против императорской власти. Во-вторых, сцена сговора мятежников всегда маркирует окончание первой части произведения, описывающей причины мятежа, и начало новой фазы повествования — мятежники приступают к активным действиям по осуществлению своих планов.

¹¹ Экс-император Сутоку.

¹² Сын Сутоку.

¹³ Го-Сиракава.

¹⁴ Т. е. внука императора Сэйва (годы правления 858–876) Минамото-но Цунэмто, которому было пожаловано фамильное имя Минамото.

Упоминание предков-императоров в эпизодах сговора мятежников стоит, пожалуй, отметить особо. В “Записях о Масакадо” функция такого упоминания вполне ясна — происхождение Масакадо от императоров служит обоснованием притязаний Масакадо на императорский титул. В “Повести о смуте годов Хогэн” эта функция сохранена — экс-император Сутоку так объясняет права своего сына на наследование императорского титула; таким образом, в двух первых повестях “главный зачинщик мятежа” через упоминание своей генеалогии пытается обосновать право на узурпацию трона. “Повесть о смуте годов Хэйдзи” же интересна тем, что в ней не идёт речь о прямой узурпации, то есть ни один из мятежников и не планирует занять престол. Самое большее, что можно предположить из текста повести, это что мятежники, Фудзивара-но Нобуэри и Минамото-но Ёситомо, возведут на трон удобного им человека из императорского рода:

7. ...ещё в столице пошёл слух, будто бы, когда начальник стражи Нобуэри и левый конюший Ёситомо, сговорившись, под покровом ночи напали на дворец государя-инока на Третьем проспекте и сожгли его, что и государь-инок, и царствующий государь не смогли выбраться и погибли в пожаре. И будто бы нового государя уже ввели во дворец. (Св. 1 “4. О том, как сыновей Синдзэя отстранили от должностей”)

Подобная практика существовала и ранее; так, экс-император Тоба назначал и смещал своих сыновей-императоров (Сутоку, Коноэ, Го-Сиракава), до него так поступали и Фудзивара, а позднее Тайра-но Киёмори добился воцарения своего внука, императора Антоку, сына дочери Киёмори и императора Такакура. Таким образом, “Повесть о смуте годов Хэйдзи” описывает отличную от других повестей ситуацию, в которой ни один из мятежников сам не претендует на императорский титул. При этом эта повесть следует композиционной схеме предыдущих повестей даже в деталях. Одной из таких деталей, на наш взгляд, и является упоминание предков-императоров в сцене сговора мятежников – в данной повести оно присутствует несмотря даже на то, что утратило смысловую нагрузку, которую имело в более ранних повестях.

“Главный зачинщик мятежа” почти всегда присутствует в сцене увещания. Эта сцена следует после описания начала мятежа, в ней некто пытается уговорить “главного зачинщика” остановиться, но тот пренебрегает доводами уговаривающего и решает продолжить мятеж. Рассмотрим эти эпизоды:

8. (“Записи о Масакадо”) В то время Масахира, младший брат нового государя¹⁵, в тайной беседе сказал ему: “Престол достаётся государю не в состязании умом, и не через применение силы. С давних времён и до наших дней государи, для которых основа — Небо, а уток — Земля, правители, что унаследовали дело государя, — всем им власть дана Небом. Теперь надо держать совет да хорошенько всё обдумать! Как бы не вышло так, что люди потом будут вас поносить! Прошу подумать об этом!..” И снова, когда новый государь отдыхал, оруженосец Ива-но Кадзунэ почтительно промолвил: “Если вассалы поправляют государя, он не впадёт в несправедливость. Если вы их не послушаете, стране может грозить опасность. Говорят, что тех, кто идет против воли Неба, непременно ожидает несчастье, а те, кто предаёт государя, непременно понесут наказание. Хотелось бы, чтобы новый государь вспомнил о наставлении Дживаки и принял решение, хорошенько все обдумав”. (18. Масахира увещевает Масакадо)

¹⁵ Начиная с этого места, автор часто называет Масакадо “новым государем”.

9. (“Повесть о смуте годов Хогэн”) Норинага, не зная уж, что и делать, направился в усадьбу Среднего министра из Токудайдзи Санэёси и рассказал ему обо всём. Средний министр не на шутку встревожился: “Да разве бывают люди, что втайне задумывают такое! Какой безрассудный замысел! Пусть свет и приблизился к своему концу, но всё же судьба императоров неподвластна воле людей, а вершится лишь по воле Великого святилища Исэ и храма Хатимангу! Пусть мала страна наша, подобная рассыпанным зернам проса, но божества хранят однажды установленное священное наследование! Всегда в блаженные времена прежних правлений власть переходила к младшему брату. Хоть и тяжело это, но сейчас не впервые государь был смещён с престола и отстранён от власти. А потому следует предоставить судьбу воле Неба, а если тяжело на сердце — то почему бы, к примеру, не принять постриг, затвориться где-нибудь и молить будд, богов и Три сокровища о принце Сигэхито? А уж выезжать в столицу, не дождавшись окончания траура по отцу, когда он пребывает во тьме — это и вовсе недоступно моему скромному разумению. Передай ему тайно от меня: “Потом непременно пожалеете об этом!” — так он высказал своё мнение. Норинага, вернувшись к государю-иноку, доложил (об этом). (Св. 1 “6. Раскрытие заговора Нового государя-инока, а также об обряде проклятия, и о возражениях Среднего министра”)

10. (“Повесть о смуте годов Хэйдзи”) Мицуёри... увидел своего младшего брата, бэтто¹⁶ Корэката. Мицуёри подозвал его и сказал: “...Ни разу мы не были замешаны в чём-то дурном. И пусть в нашем роду не было Великих министров, но мы всегда были в числе добрых вассалов и никогда не сговаривались с клеветниками, что стремятся возвыситься... Устрой всё так, чтобы с государевым яшмовым телом не случилось беды, хорошо обдумай и ничего не упusti!.. Что же это случилось с этим миром? В государевой трапезной, где должен пребывать нынешний государь – живёт начальник привратной стражи. Государя он поселил в Покоях Чёрной двери! Хоть и наступил век Конца Закона, но Солнце и Луна ещё не упали на землю! За какие же грехи в прошлых жизнях привелось мне родиться в таком мире, видеть и слышать такие печальные дела! В Ханьских землях бывало, что подданный занимал государев престол, но не слыхал, чтоб в нашем краю случалось такое. Как же сберегут Закон государей богиня Амаэрасу и святилище Хатимангу¹⁷? (Св. 1 “9. О том, как Мицуёри пошёл на совет во дворце, а также о том, как Киёмори прибыл в Рокухара”)

В первых двух повестях “зачинщик мятежа” отказывается последовать советам и продолжает мятеж. Лишь “Повесть о смуте годов Хэйдзи” отличается тем, что бэтто Корэката, не являющийся главным мятежником, прислушивается к совету увещевающего его брата, Мицуёри, и помогает императорам бежать. Мы уже указывали [Онищенко 2011, 262], что в этих увещаниях выражена некая мораль, появляющаяся в начале повествования для того, чтобы быть подтверждённой самим ходом последующих событий — не прислушивающийся к увещанию “главный зачинщик мятежа” терпит поражение или гибнет в бою; таким образом, увещания выражают “правильную” позицию по отношению к действиям мятежников. Идеологической основой этой позиции служит сначала конфуцианская идея “ман-

¹⁶ Бэтто: – должность начальника Императорского архива (Курододокоро).

¹⁷ Солнечная богиня Амаэрасу, считавшаяся прародительницей императорского рода, и божества храмов Хатимангу (Уса-Хатимангу, Ивасимидзу Хатимангу) традиционно воспринимались как божества-хранители наследования императорской власти, оберегающие императорский род.

дата Неба” (“Записи о Масакадо”), а впоследствии — представления о божественном происхождении императорского дома. Что же говорят нам сцены увещаний о типологии персонажей и особенностях этих повестей, и почему в “Повести о смуте годов Хэйдзи” данная сцена выглядит иначе, чем в других повестях?

Суть и функция этой сцены может быть выражена словами: “некто убеждает зачинщика мятежа остановиться, мотивируя свои слова неизбежностью поражения мятежников вследствие вмешательства сверхъестественных сил; зачинщик отказывается, и тем обрекает себя на страдания”. Таковы сцены увещания в “Записях о Масакадо”, “Повести о смуте годов Хогэн” и позднее — в “Повести о доме Тайра”, “Записях о Великом Мире”. И лишь в “Повести о смуте годов Хэйдзи” объектом такого увещания становится второстепенный персонаж — бэтто Корэката, и он не отказывается, а соглашается с доводами увещающего. Выше мы говорили об отличии мятежа Хэйдзи от предыдущих, а также о том, что эта повесть следует композиционной схеме других повестей, хотя и описывает отличную от них ситуацию — в ней нет попытки прямой узурпации императорской власти. В этой повести мотивы двух мятежников — Фудзивара-но Нобуэри и Минамото-но Ёситомо — различны, первый стремится устранить конкурента в борьбе за влияние при дворе, второй же — отомстить за родичей, погибших в мятеже Хогэн и за несправедливость, проявленную домом Тайра по отношению к нему. Нобуэри изображён честолюбивым и недалёким человеком, а Ёситомо — одержимым жаждой мести, и результат увещания, обращённого к ним, был бы, на наш взгляд, очевиден. Вероятно, именно здесь кроется причина изменения структуры ситуации “увещания”, хотя влияние предыдущих повестей оказалось настолько сильным, что сама сцена увещания сохранилась и в этой повести.

В дальнейшем повествовании мятежники терпят поражение и, в зависимости от исторических реалий, гибнут или отправляются в ссылку, на чём повествование о самом мятеже заканчивается. В последней части произведений, где речь идёт о последствиях мятежа, мятежники уже не являются инициаторами событий, а становятся объектами проявления воли победивших — выживших мятежников судят, казнят, ссылают.

Выводы

Выше на примере “мятежников”, как одного из типов персонажей, мы показали, что при всём различии мотивов тех, кто восстаёт против центральной власти, описание их действий в ходе мятежа во многом совпадает. Один из мятежников по своей воле либо же в силу обстоятельств становится инициатором мятежа и сговаривается с другим мятежником. Некто пытается убедить одного из этих мятежников в тщетности попыток противостоять власти императора, но не встречает понимания, сражения продолжаются и приводят к нейтрализации (пленению или гибели) мятежников.

Здесь мы рассмотрели лишь один из типов персонажей *гунки-моногатари*, и анализ функций других типов ещё не завершён, но уже ясно, что не только композиция, но и актанта́ная схема приведенных повестей обладает ярко выраженным сходством (отличающим их от, например, “Сказания о земле Муцу” или “Записей о Второй, трёхлетней войне в Осю”), что позволяет отнести эти повести к одному субжанру внутри *гунки-моногатари*. Вопрос происхождения данной разновидности военных повестей сложен и требует дальнейшего детального изучения произведений китайской и японской литературы, предшествующих появлению первых *гунки*. А возможно, корни данного культурного феномена найдутся в дальневосточном фольклоре — мифе и сказке.

ЛИТЕРАТУРА

Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // **Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму**. Москва, 2000. С. 153-170

Онищенко В. А. Структурные размещения элементов мировоззренческих систем: буддизм, синто и конфуцианство в ранних японских военных повестях // The First International Conference “China, Japan, Korea: Methodology and Practice of Culture Interpretation”. Kiev-Seoul, 2009. С. 29-35

Онищенко В. А. Японские военные повести и их композиция: взгляд историка // **Повесть о смуте годов Хэйдзи**. Перевод, предисловие, комментарии и исследование В. А. Онищенко. Санкт-Петербург, 2011. С. 243-284

Ооцу Юити **Гунки то о:кэн но идэороги: (Военные повести и идеология императорской власти)**. Токио, 2005.

Пропп В. Я. **Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки**. (Собрание трудов В. Я. Проппа.); Коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой. Москва, 1998.

Сё:монки, Муцу ваки, Хо:гэн-моногатари, Хэйдзи-моногатари (“Записи о Масакадо”, “Сказание о земле Муцу”, “Повесть о смуте годов Хогэн”, “Повесть о смуте годов Хэйдзи”), редакция и комментарии И. Сиды, Ё. Инуи, К. Янасэ, К. Ясиро, Я. Мацубаяси. — “Нихон котэн бунгаку дзэнсю” (“Полное собрание японской классической литературы”) Т. 41. Токио, 2002.

Хо:гэн-моногатари, Хэйдзи-моногатари, Дзё:кю:ки (Повесть о смуте годов Хогэн, Повесть о смуте годов Хэйзи, Записи о годах Дзёкю). Коммент. Ё. Тораги, Ц. Кусака, Т. Масуда, Д. Кубота. — “Нихон котэн бунгаку тайкэй” (“Большое собрание японской классической литературы”) Т. 43. Токио, 2004.